
Алекс Мара
Любовь и Другие Болезни
РАЗВОД

Алекс Мара

Развод. Любовь и другие болезни

«Автор»
2026

Мара А.

Развод. Любовь и другие болезни / А. Мара — «Автор», 2026

– Ты правда не понимаешь? – Муж усмехается, но в глазах нет тепла. – Я чуть не умер и не знаю, что случится завтра, поэтому хочу жить в полную силу, без оглядки. По-настоящему. – Да, конечно... Разве я тебе мешаю? – Мой голос срывается.– Я не хочу заботы, сочувствия, тихих разговоров за моей спиной, будто я уже наполовину мёртв. Хочу брать от жизни всё без ограничений. – А я? – шёпотом. – Я тоже «ограничение»?– Ты безопасная гавань, а я хочу шторм. Я вытащила мужа с того света, ночами слушала его дыхание и заставляла верить в чудо. А теперь оказалось, что для него «настоящая» жизнь начинается там, где меня больше нет.

© Мара А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 6
2 7
3 9
4 10
5 12
6 13
7 15
8 17
9 19
10 21
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Развод. Любовь и другие болезни

– Ты правда не понимаешь? – Муж усмехается, но в глазах нет тепла. – Я чуть не умер и не знаю, что случится завтра, поэтому хочу жить в полную силу, без оглядки. По-настоящему.

– Да, конечно... Разве я тебе мешаю? – Мой голос срывается.

– Я не хочу заботы, сочувствия, тихих разговоров за моей спиной, будто я уже наполовину мёртв. Хочу брать от жизни всё без ограничений.

– А я? – шёпотом. – Я тоже «ограничение»?

– Ты… безопасная гавань, а я хочу шторм.

Я вытащила мужа с того света, ночами слушала его дыхание и заставляла верить в чудо. А теперь оказалось, что для него «*настоящая*»жизнь начинается там, где меня больше нет.

1

Вроде всё уже чисто, но я бросаю последний взгляд, на всякий случай.

Плитка блестит. Зеркало без единого развода. Раковина чистая, но я всё равно провожу по ней ещё раз, будто от этого зависит что-то важное.

Я так устала, что ноют даже пальцы. В висках пульсирует тупая боль, и хочется просто сесть на пол, прислониться к стене и закрыть глаза. Но я не сажусь, не позволяю себе остановиться.

За этот год я поняла, что порядок – это единственное, что мне подчиняется.

Когда врачи говорили «мы не можем гарантировать», когда муж плакал от боли, когда ночь растягивалась в бесконечность, я мыла, складывала, скоблила. Наводила идеальную чистоту, потому что не могла повлиять на остальное.

Если всё вокруг сияет, значит, я держусь. Значит, я ещё что-то могу. Как будто красота и порядок способны победить всё плохое, даже неподвластное врачам.

Всё должно быть правильно. Ровно. Красиво.

Мужу это нравится.

Из-за болезни последний год он провёл дома, и его радовали чистота и порядок, свежие цветы везде. Поэтому я старалась. Теперь ему лучше, но мне уже не остановиться. Боюсь сглазить, наверное.

Задерживаюсь в дверях, оглядываю ванную ещё раз. Всё идеально.

И только тогда позволяю себе выдохнуть.

Тяну вниз край пижамной футболки и машинально разглаживаю её на бёдрах. Хлопок мягкий, застиранный, бесформенный, как будто он устал вместе со мной.

Смотрю на себя в зеркало дольше, чем обычно.

Хватит!

Хватит носить мягкие, растянутые пижамы, в которых удобно вскакивать посреди ночи, сбивать температуру, наливать воду, держать мужа за руку, пока отпускает боль.

Я так привыкла быть готовой в любую секунду, что перестала быть… женщиной.

Надо выбросить эти пижамы. Купить что-нибудь шёлковое, как носила раньше. И срочно сходить в парикмахерскую, чтобы мне закрасили серебряные нити в волосах – по одной за каждый день прошедшего года. Глядя в зеркало, провожу по ним пальцами, пытаясь пригладить, спрятать, будто это можно исправить здесь и сейчас.

Когда я вообще в последний раз думала о себе?

Я жила в слепом, одержимом сосредоточении на здоровье Вани. День за днём, ночь за ночью. Всё остальное незаметно отползло куда-то за край жизни и исчезло.

И я даже не заметила, как женщина, которой я была, исчезла вместе с этим. Пропала за ненадобностью.

Всё, обещаю себе срочно заняться собой.

Теперь уже можно. Врачи сказали, что всё хорошо.

В темноте бесшумно открываю дверь в спальню, задерживаю дыхание, чтобы не выдать себя ни звуком, ни движением. Крадусь к кровати, когда из темноты вдруг раздаётся голос мужа.

– Я не сплю.

Внутри меня тотчас фонтанирует паника.

– Что с тобой? Что-то болит? Тебе плохо?

Спешу к нему, но словно налетаю на каменную стену его крика.

– Прекрати!

2

Вздрагиваю всем телом, чуть ли не вскрикиваю от неожиданности.

Ваня никогда на меня не кричит. Он спокойный, уравновешенный человек... был.

– Хватит, Арина! Хватит носиться вокруг меня как наседка! Молчи лучше, чем кудахтать. Со мной всё в порядке. Слышала?!

Я стою, не двигаясь. Даже не сразу понимаю, что он сказал и почему, настолько оказалась не готова к его гневному крику. Словно что-то внутри меня не успевает за реальностью.

– Арина, ты слышала меня?! – требует с такой яростью в голосе, что я отшатываюсь и натыкаюсь спиной на стену.

– Да… да, конечно… – голос звучит чужим, испуганным, как будто я... боюсь собственного мужа. – Врачи сказали, что с тобой всё сейчас хорошо… но надо быть осторожным… это они так сказали...

Я замолкаю, потому что мне становится страшно. Боюсь реакции мужа. В кромешной темноте не вижу его лица и не могу предсказать, как он отреагирует на мои слова.

– Со мной всё в порядке, – говорит он сквозь зубы. – Повтори за мной, Арина!

– Да, но...

Он резко вскакивает с кровати, и я, не задумываюсь, бросаюсь к нему, как делала сотни раз до этого.

– Аккуратно! У тебя же швы!

– У меня уже полгода эти швы! – он почти рычит. – Со мной всё в порядке! Я здоровый мужик. Хватит!

– Но врачи…

– Хватит! Никаких врачей больше! Достали на фиг! И ты достала со своей вечной тревожностью.

Я отступаю на шаг. Руки сами находят края халата, я запахиваю его плотнее, как будто могу закрыться от его слов. Мне вдруг становится холодно, словно окно распахнули настежь. Но это из-за слов мужа, они окатывают меня льдом.

Ещё совсем недавно этот же голос шептал: «Не уходи, прошу тебя», «Не оставляй меня», «Держи меня за руку».

– Я… просто хочу, чтобы тебе было лучше, – говорю первое, что приходит в голову. Никогда бы не поверила, что однажды мне придётся оправдываться перед мужем за то, что я о нём забочусь. Это... немыслимо.

Ваня усмехается, и в этой усмешке столько злобы, что я снова вздрагиваю.

– Мне уже лучше, только ты отказываешься это видеть.

Я опускаю голову и молчу, потому что вдруг понимаю – он прав. Я не вижу в нём здорового человека. Я всё ещё посередине кошмара длиною в год, где каждый звук – тревога, любое ощущение – сигнал опасности.

А Ваня… он уже вышел оттуда.

И, кажется, вышел один.

А теперь наказывает меня за то, что я запаздываю. Что моя нервная система отказывается адаптироваться с той же скоростью, что Ванина.

Прижимаюсь спиной к стене. Я бы отошла дальше, но некуда.

– Я привыкла заботиться и волноваться, – говорю еле слышно, больше себе, чем ему. – Я не могу так сразу… перестроиться, извини.

– А я могу, – говорит резко. – Я перестроился и не потерплю больше возню вокруг меня.

Я вдруг отчётливо чувствую: что-то закончилось. Не болезнь, а что-то намного более важное.

– Ваня, подожди, не спеши, пожалуйста… Ты же слышал врачей, они сказали, что это ещё не конец…

– А я говорю, что конец! Моё терпение лопнуло. Хватит со мной нянчиться. Я мужик! Ты слышишь? Я мужик! Повтори!

Его голос гремит по спальне, отталкиваясь о стены, как будто ищет выход, чтобы его услышали все и вся.

– Ты мужик… – повторяю, чтобы его успокоить. – Милый, для меня ты всегда был мужчиной, но это не отменяет…

– Молчать! – кричит, ударяя обо что-то ладонью. – Это отменяет всё, что ты себе напридумывала. Я знаю, что ты только что делала. В ванной всё драила, да?

– Не драила, но…

– Именно что драила. Хватит каждый день стерилизовать весь дом, как будто это имеет отношение к моей болезни…

– Я не стерилизую, я просто протёрла зеркало и раковину.

– «Просто протёрла», – передразнивает. – Ты всё время что-то «просто протираешь».

– Мне не пришлось бы протирать раковину и зеркало, если бы ты перестал плеваться зубной пастой куда попало. Всё, Ваня, хватит. Я не знаю, какая муха тебя укусила, но я не заслужила твоих оскорблений.

Повисающая между нами пауза страшнее крика. Странно, что мы так и не включили свет, тогда я бы хоть видела лицо мужа, и мне было бы легче его понять.

– Конечно не заслужила, – тихо говорит он. – Ты же у нас святая. Целый год от меня не отходила. Взяла всю мою жизнь под контроль…

Его «святая» звучит как оскорбление.

– Какой контроль?! Ничего подобного! Да что с тобой такое? – Делаю шаг к нему, тянусь, чтобы обнять, прижать к себе, вернуть «нас» обратно.

Муж отталкивает меня. Ладонью в плечо. Коротко. Резко. Без колебаний.

Мои руки зависают в воздухе. В груди поднимается странное, тяжёлое чувство. Не обида даже, а пустота, в которую проваливается всё привычное.

Муж больше не хочет, чтобы я к нему прикасалась.

3

Ваня очень тяжело болел, и сначала врачи думали, что шансы выздоровления невысокие.

Поэтому, конечно, я взяла всё на себя. Бросила работу, ухаживала за ним целыми днями, сидела с ним ночами, кормила, одевала, мыла. Но это никогда не было связано с контролем. Ни разу я не думала: «Вот, теперь всё зависит от меня». Я просто делала то, что надо, и это казалось естественным выражение любви в самой чистой её форме, когда ты борешься за то, что считаешь своим.

Когда Ване стало лучше, мы сохранили правильный режим и здоровое питание, а в остальном вернулись к нормальной жизни. Только вот сейчас Ваня выворачивает всё это наизнанку и выставляет меня монстром, который захватил его жизнь.

– Вань, что с тобой? Наверное, это отдача после того, как самое страшное прошло?

– Нет, это не отдача, а понимание, – резко отвечает он.

По моим плечам внезапно проходит озноб.

– Понимание чего, Вань?

– Понимание, какой жизнью я живу. И не только сейчас, а и до болезни тоже. Вся жизнь как клетка. Сколько лет я жил по расписанию, подчиняясь чужим ожиданиям, контролю, правилам. – Он говорит с такой ненавистью, что меня сотрясает ледяная дрожь. – Это не жизнь, а существование робота. Всё по часам, как предписано. К друзьям на праздники. Корпоративы, восьмое марта. Скука, скука. – Резко выдыхает и садится на постель. – Не могу я больше так. Чёрт возьми, не могу. Даже пододеяльник этот. Ох, как же я ненавижу этот пододеяльник...

Я осторожно сажусь на другой конец кровати, но не касаюсь мужа.

– Вань, ну а что тебе пододеяльник-то сделал? – спрашиваю тихо, почти шепотом.

– Он в цветочек, Арина. Когда наша жизнь стала в цветочек, а? – В его голосе слышится горечь и насмешка одновременно.

Честное слово, было легче ухаживать за ним, когда он лежал в постели, чем теперь смотреть, как он пытается понять самого себя.

Ему не нравится пододеяльник в цветочек, видишь ли... Корень вселенского зла.

Конечно, я понимаю, что это не про пододеяльник вовсе, а про ту жизнь, которую он наконец-то пытается вернуть. Он хочет снова дышать свободно, не знать страха, не быть зависимым от моей заботы, которая спасала, но теперь душит.

Резко выдохнув, Ваня выходит из спальни и захлопывает дверь, а я остаюсь на месте, не понимая, как должна себя вести.

Во время болезни были тяжёлые периоды, когда он ненавидел свою болезнь, очень злился, ругался и порой, конечно же, неизбежно выпускал некоторые эмоции на меня. Я относилась к этому с пониманием, потому что ему было необходимо выговориться. Для меня стало правилом не оставлять его одного в такие минуты, потому что, когда он куда-то уходил, ему было важно, чтобы я пошла за ним. Для него это было как подтверждение, что я не оставлю его даже в момент критической слабости. Когда я приходила за ним в другую комнату, он расслаблялся, обнимал меня, просил прощения за то, что у него такое плохое настроение.

Поэтому и сейчас я открываю дверь спальни и следую за мужем на кухню, хотя не уверена, что в этот раз мой метод сработает. Я не знаю, что происходит с мужем, но на интуитивном уровне мне это совершенно не нравится. Это не та злость, что раньше. В ней нет беспомощности. В ней есть что-то другое, холодное, чужое.

4

Робко захожу на кухню, останавливаюсь в дверях.

Ваня стоит у окна и смотрит в темень.

Мне надо что-то сказать, выбить пробку, которая закупорила его эмоции, и тогда он выльет всё остальное наружу, и после этого ему станет легче. Да, я должна это сделать, но почему мне так страшно услышать то, что он прячет в себе в этот раз?

– Ваня, если ты не поделишься со мной своими чувствами, то я так и не узнаю, что с тобой происходит. Прости, но... я тебя не понимаю.

Он хватает пятернёй занавес, с треском сдвигает его в сторону и садится боком на подоконник.

– Не понимаешь? – Усмехается, но в его глазах нет тепла. – Действительно не понимаешь, что со мной происходит? Какая ж ты жена, если не знаешь своего мужа?

Слова режут по живому, потому что я их не заслужила. Я никогда не просила и не ждала благодарности, так почему Ваня вдруг наказывает меня за то, что я ему помогла?!

– Убирать за мной наловчилась, а вот что внутри меня, не знаешь, – огрызается. Говорит со мной, как с врагом. – Достало меня всё это, Арина. Жить я хочу. Не существовать, а жить по-настоящему, понимаешь? Я вот сейчас как представлю, что теперь на работу вернусь и будем жить, как раньше, каждый день одно и то же, по часам… – Он замолкает, проводит рукой по лицу. – Я чуть не умер и не знаю, что случится завтра, поэтому хочу жить в полную силу, без оглядки. По-настоящему.

– Да, конечно... Разве я тебе мешаю? – Мой голос срывается.

– Я не хочу заботы, сочувствия, тихих разговоров за моей спиной, будто я уже наполовину мёртв. Хочу брать от жизни всё без ограничений.

– А я? Я тоже «ограничение»? – спрашиваю шёпотом, потому что от внезапно охватившего меня ужаса голоса почти не осталось.

– Ты… безопасная гавань, а я хочу шторм. Ты... как цербер наложила на меня контроль по всем параметрам. Чёрт… – он резко отворачивается. – Я сам не знаю, что говорю. Прости, я не хочу быть грубым, но... я не могу тебе врать, не после того, что ты для меня сделала. Ты меня спасла, а теперь ты должна меня понять.

Я делаю шаг вперёд. Потом ещё один. Теперь между нами всего метр – и почти бесконечность.

– Понять что? – спрашиваю еле слышно. – Что ты хочешь жить без меня?

Всё моё существо напряжено до предела в ожидании ответа. Сейчас Ваня должен сказать: «Ты что! Ты совсем не так меня поняла! Я без тебя жить не могу!»

Но что-то мне подсказывает, что он этого не скажет.

– Я просто... не знаю, где я в этой жизни. Всё как будто уже решено за меня. Даже сейчас. Даже то, как я должен радоваться, что выжил. – Он смеётся – коротко, пусто. – Представляешь? Я, блин, выжил. А чувствую себя… как будто меня аккуратно поставили обратно на полку, и теперь ты регулярно будешь стирать с меня пыль – вот и всё.

Самое страшное то, что я его понимаю. Сейчас Ваня отстраняется не от меня, а от той версии себя, которая лежала в кровати и не могла подняться.

Но от этого мне не легче.

– Что ты пытаешься сказать, Ваня? Давай уж договаривай.

– Мне нужно... – Делает глубокий вдох и несколько раз ударяет затылком по стене, как будто пытается вытряхнуть из головы какие-то мысли. – Я хочу... Мужик я, Арина, понимаешь? И после всего, что случилось, мне надо... – Опускает голову и молчит.

– Ваня, я жду! – говорю онемевшими губами.

Он резко поворачивается и смотрит на меня покрасневшим, злым взглядом.

– В загул мне надо! Отпусти меня в загул.

5

Внутри меня словно что-то ломается с треском настолько громким и разрушительным, что это уже не сложится обратно, даже если очень сильно постараться.

Муж смотрит на меня... странно. Вроде как с отчаянием, но в нём есть и доля вызова. Он ожидает мою истерику, обвинения и заранее готовится дать отпор. Он уже принял решение задолго до этого разговора, а теперь ставит меня в известность.

Я в шоке.

Как я могла просмотреть тот факт, что «нас» уже нет? Что «мы» боролись за выздоровление, а потом муж выбросил меня за борт как балласт. И ведь ни разу не сказал, что моя забота его душит. Наоборот, до последнего времени жадно требовал всех её проявлений.

А теперь раз – и отрезал меня.

– Я хочу снова почувствовать себя мужчиной, – говорит он раздражённо. – Понимаешь? Не пациентом, не проектом по спасению и не твоей бесконечной ответственностью.

У меня внутри что-то обрывается.

– Ваня… – я не узнаю собственный голос. – Что ты такое говоришь?..

Он не даёт мне продолжить. Спрыгивает с подоконника, проводит рукой по лицу, будто стирает остатки прежнего себя.

– Ты думаешь, болезнь не оставила следа? – он усмехается, но в этом нет ни капли веселья. – Этот год… меня выжег. Полностью. Я просыпался и не понимал, кто я. Я лежал и ждал, когда мне скажут – можно ли мне сегодня жить или нельзя.

Он мечется по кухне, как зверь, которому вдруг открыли клетку, но он ещё не верит в это.

– Всё, чем я был, – работа, планы, уверенность в завтрашнем дне… это всё исчезло. Осталось только моё тело, которое тоже могло в любой момент исчезнуть. И ты – которая несла меня на себе. Понимаешь... – Он останавливается и снова трёт ладонью лицо. – Я потерял себя, понимаешь? – Смотрит прямо на меня, и теперь в его глазах только отчаяние. – Я не знаю, кто я теперь. Не знаю, чего хочу. Не знаю, на что способен. И я не собираюсь дальше жить… вот так.

Он обводит рукой пространство между нами – кухонный стол, холодильник, вышитые полотенца. Мой горячо любимый семейный мир, который я так старательно несла на себе.

– Это не жизнь, а… выживание. Я больше не хочу выживать и существовать на автопилоте. Я хочу почувствовать себя живым. Понимаешь? По-настоящему. Делать глупости. Ошибаться. Хотеть. Брать. Не думать каждую секунду о том, правильно это или нет.

Он делает паузу. Смотрит на меня так, будто ждёт, что я наконец пойму.

А я и так понимаю. Чего ж тут не понять? Все мы должны стремиться жить на все сто... только разве обязательно исключать из этого свою вторую половинку?

– Мне нужно отпустить себя. По полной, – говорит Ваня, закрыв глаза. – И… – он чуть медлит, но всё равно продолжает, – я не могу сделать это рядом с тобой. Ты всё время будешь возвращать меня обратно, в то, что случилось. Поэтому я и сказал, что мне надо в загул.

Удивительно, но мир вокруг нас не рушится после этих слов. Ничего не падает, не разбивается. Только я выпадаю из жизни моего мужа и правда остаюсь за бортом.

Горло сдавило так сильно, что я еле могу говорить.

– А что входит в этот… загул? – заставляю себя спросить, хотя внутри всё сжимается, протестует, отказывается даже формулировать этот вопрос.

Слова как будто чужие. Не мои.

Ваня смотрит на меня несколько секунд, изучающе, холодно, будто решает, сколько правды я смогу выдержать.

А потом пожимает плечами.

– Всё.

6

Всё.

Одно короткое слово – и у меня внутри что-то обрывается.

– Я хочу жить так, как хочу, – продолжает муж, уже увереннее. – Ничего не объяснять, не извиняться. Брать всё, чего мне захочется. Хочу снова чувствовать интерес. Адреналин. Желание. Чтобы внутри что-то загоралось, а не… – он морщится, – не этот бесконечный режим «осторожно, аккуратно, не навреди».

Он опирается рукой о спинку стула, но не от усталости, а, скорее, от напряжения, которое в нём кипит.

Я молчу, потому что уже заранее слышу, к чему он ведёт.

– Да, – говорит он прямо, не отводя взгляда. – Это включает женщин тоже. Я хочу флиртовать. Знакомиться. Чувствовать, что я могу нравиться. Что я… живой мужик, а не развалюха, вокруг которой ходят на цыпочках. Мне... надо снова испробовать себя как мужчину.

Каждое его слово как будто намеренно выталкивает меня из его мира. За ненадобностью.

– Я не говорю, что это навсегда, – добавляет он, но в его голосе явно слышится неуверенность. – Я просто… сейчас не могу иначе. Если я не сделаю этого, я так и останусь… там. В больном прошлом. – Он кивает куда-то в пустоту. В ту жизнь, где я была для него всем. – Мне нужна жизнь... и женщина.

Я почти теряю равновесие, делаю шаг назад и упираюсь о ручку холодильника, чтобы не упасть.

– Так вот я стою перед тобой, – вырывается у меня. – Разве я не женщина?

Ваня морщится, как будто я предложила ему что-то неприятное.

– Нет, – говорит он жёстко. – Не сейчас. Ты… – Он задумывается, как будто всерьёз надеется подобрать слова, которые меня не ударят. – Я не могу видеть в тебе женщину. Что ты предлагаешь сделать? Стянуть с тебя эти тряпки... и что дальше? Затащить тебя в постель, чтобы ты при каждом поцелуе меряла температуру? Чтобы боялась задеть швы? Чтобы отказывалась быть сверху, потому что тогда мне будет больно? На фиг всё это! Я мужик, и мне нужна женщина, которая не думает о моём здоровье... которая вообще ни о чём не думает, когда я её...

Внезапно замолкает и опускает голову. Но это не от стыда. Увы, нет. Его голос дрожит от возбуждения.

Я больше не возбуждаю мужа.

Молчу, с силой сжимаю зубы, потому что если открою рот, то зарыдаю в голос от отчаяния.

– Всё, что связано с тобой… – это прошлое, – продолжает Ваня. – Больница, таблетки, операции, боль, ужас...

Каждое слово вытаскивает наружу то, что для меня было… любовью.

– Ты стала для меня сиделкой. Всё, что ты видела… всё, что ты делала… – он качает головой. – Я не могу об этом думать. Не хочу. Меня от одной мысли… выворачивает.

Я инстинктивно обнимаю себя руками, будто пытаюсь удержать внутри что-то страшное и разрушительное.

– Мне нужно это отрезать. Полностью. Понимаешь? – продолжает он, уже жёстче. Делает шаг ко мне и заглядывает в мои глаза. – Ты понимаешь? Мне это нужно, чтобы жить дальше. По-настоящему.

– То есть… – я с трудом выталкиваю слова наружу, – чтобы жить дальше… тебе нужно вычеркнуть меня?

Он раздражённо качает головой.

– Не вычеркнуть, – говорит нетерпеливо. – Не передёргивай. Просто… убрать это всё. Нашу… эту динамику.

«Нашу жизнь», – хочу сказать я.

Но он уже её так не называет. Мы стали *динамикой*.

Внутри меня поднимается мучительная смесь боли и ярости.

– Ты имеешь в виду *динамику*, которая была необходимой тебе, чтобы выжить?

Ненавижу себя за то, что напоминаю Ване об этом, но мне сейчас безумно больно.

Он отводит взгляд. Впервые за весь разговор.

– Я не просил, чтобы ты… – начинает он и замолкает. Спотыкается на лжи, потому что просил. Тысячу раз умолял меня не отходить ни на секунду, а теперь ненавидит воспоминания о той слабости. И меня заодно.

– Ты хочешь жить, – медленно говорю я. – Это хорошо. Но ты почему-то решил, что для жизни нужно уничтожить всё, что было между нами.

Он открывает рот, но я поднимаю руку, останавливая его.

– Нет. Подожди. Теперь ты послушай. Я не твоя болезнь, Ваня. И я не сиделка. – Подхожу к нему так близко, чтобы между нами почти не осталось расстояния. – Я женщина, которая тебя любила. Которая выбрала остаться, когда тебе было страшно и плохо. Однако от этого я не перестала быть женщиной.

Во взгляде мужа впервые появляется что-то похожее на сомнение.

Но уже поздно. Я уже всё услышала.

7

Слова появляются во мне, складываются в предложения.

У них острые, режущие края, и они ранят меня, прежде чем выйти наружу. Я не хочу их произносить, но если сейчас промолчу, то предам себя.

– Знаешь… – Голос подводит меня, срывается. Я сглатываю и начинаю заново. – В любви не бывает отпусков и перерывов, Ваня. Не бывает такого, чтобы любящему человеку нужно было отвлечься от тебя и развлечься на стороне, чтобы потом вернуться. Может, кто-то считает по-другому, но я в это не верю. – Каждое слово даётся с усилием и ранит меня, как шаг по стеклу. – Если человеку нужен перерыв… если ему нужно почувствовать себя живым и развлечься с кем-то другим… значит, это уже не любовь, – договариваю с трудом. Смотрю на мужа, который за несколько минут стал чужим человеком. – А если это не любовь, то мне это не нужно.

В груди жжёт так сильно, будто там открытая рана.

Мне хочется забрать слова назад. Стереть. Сделать вид, что я их не говорила. Потому что, произнося это, я как будто сама отрезала то, что держало нас с мужем вместе.

Но я не позволяю себе эту слабость и не отвожу взгляд.

Впервые за последний год я выбираю не Ваню, а саму себя.

Я так давно не думала о себе, что это кажется чем-то эгоистичным, почти постыдным. Целый бесконечный год я жила исключительно ради мужа. Не выбирала, а делала. Вставала, когда не было сил. Держалась, когда внутри всё рассыпалось. Запрещала себе усталость, страх, слабость, потому что Ваня во мне нуждался.

Я требовала от себя невозможного ради любимого мужчины. Да, возможно, мне следовало лучше следить за собой. Надо было прятать мой страх внутри и не делиться им с мужем, не пытаться до сих пор всё делать за него. Конечно, я могла бы быть лучше, красивее, бесстрашнее, мудрее... и многое-многое другое.

Однако любящий мужчина понял бы и простил. Помог бы мне расслабиться. Купил бы мне путёвку в спа. Свозил бы меня в магазин и поставил перед фактом, что мне нужны новые наряды...

Если бы это была любовь.

Если бы…

И теперь мне страшно, потому что сказанными словами я отправила себя в свободный полёт. Это неожиданно, больно и пугающе.

Однако я не отвожу взгляда, смотрю на мужа.

Он выглядит... шокированным, как будто совершенно не ожидал такого ответа.

– Эй… – Подходит ко мне, касается моего плеча. Замечает, что я морщусь от его прикосновения, и хмурится. – Арина… ты что такое себе надумала...

Я молча смотрю на него, в моём взгляде ни капли сомнения. Это напускное, но мужу незачем от этом знать. Я очень стараюсь так выглядеть, потому что уверена, что это правильно. Впервые за долгое время я что-то делаю для меня.

– Ты преувеличиваешь, – говорит муж уже другим тоном, раздражённым и опасливым одновременно. – Конечно, я тебя люблю. Вообще не понимаю, как ты можешь в этом сомневаться? Я с тобой откровенен именно потому, что тебя люблю, – повторяет настойчивее. – Понимаешь? Я полностью с тобой честен. – Он торопится, сбивается, будто боится, что если остановится, то потеряет контроль над разговором. – Ни один другой мужик так не сделал бы! Любой другой уже давно бы сходил налево, оттянулся как следует, а потом пришёл домой и сделал вид, что всё нормально и ничего не случилось. – Смотрит на меня с вызовом, как будто это весомый аргумент в его пользу. – Я мог бы поехать к родителям и там ушёл бы в загул.

Потом вернулся бы – и всё как всегда. Ты бы вообще ни о чём не узнала. – Усмехается. – Я дурак, да? Мне надо было тебе солгать? – Всплескивает руками. – Вы, женщины, сами не знаете, чего хотите! Вечно кричите, что вам нужна только правда и что вы ненавидите лжецов… А на деле вы не можете выдержать эту самую правду, о которой просите. Тогда на фиг её требовать?!

8

Муж надвигается на меня, как будто это я виновата и причиняю ему неудобства.

– Думаешь, мне приятно с тобой об этом говорить?! – почти кричит он, стоя в полушаге от меня. – Я бы, знаешь ли, предпочёл остаться таким, каким был год назад, – идеальным мужем. Во всём хорошим. Все мы хотим быть хорошими, но иногда, чёрт возьми, не получается! Думаешь, мне приятно тебе признаваться, что у меня сводит всё ниже пояса, когда думаю о других женщинах, а когда смотрю на тебя, меня словно в ледяную воду опускают? Но я ж люблю тебя, не могу не любить, не после всего, через что мы прошли, а значит, это чувство вернётся. Оно должно вернуться. Но сейчас мне нужно... то, что нужно. И я перед тобой как на духу, ничего не скрываю и надеюсь, что ты пройдёшь через это вместе со мной...

Вот тут я наконец срываюсь.

До этого слушала крики мужа, не жаловалась, что он брызжет слюной, но после этих слов...

Отвешиваю ему смачную пощёчину.

И внутри словно короткое замыкание после этого. Я *ударила* мужа?! Целый год чуть ли не на руках его носила, а теперь ударила?

Однако на размышления времени нет, потому что я уже кричу в ответ.

– Ты всё-таки постарайся не перегибать палку! Хочешь, чтобы я прошла через это вместе с тобой?! Через что именно? Через твои загулы? Что именно я должна делать, – держать свечку, пока ты развлекаешься неизвестно с кем?

Ваня отступает, садится на стул и потирает ладонью лицо.

– Прости, Арина, я не должен был кричать. Ты только не думай, что я сразу к тебе с этим пришёл, не думая. Меня давно это точит, и я пытался с этим справиться, но не могу. Вот и решил быть честным, а в ответ получил по морде. – Усмехается и поднимает на меня печальный взгляд.

Я сажусь рядом. Честно говоря, я хоть и в шоке, но не злюсь на мужа, потому что в чём-то он прав. Сколько жалоб слышишь на изменщиков? Кучу! А вот вам и оборотная сторона медали. Муж сразу пришёл и признался, что хочет попробовать другую женщину. И причина у него, скажем так, удовлетворительная – он только что вырвался из лап смерти и хочет жить по полной в его определении. А чьё ещё определение имеет значимость, как не твоё личное? Вот именно... Так что не мне ему диктовать, как жить. Он решает для себя, а я для себя. Вот они, две степени свободы в одном браке.

Муж берёт меня за руку, поглаживает большим пальцем.

– Мне сейчас нужна безбашенная, грешная женщина, а не заботливая сиделка. Хотя бы ненадолго. А потом я вернусь к тебе, обещаю. Я же не жениться на ней собираюсь! Могу вообще даже имени не спрашивать. На фиг мне её имя? Ариша, вспомни, милая, мы же с тобой клялись поддерживать друг друга в болезни в здравии. Ты как никто другой поддержала меня в болезни тела, а у меня теперь вот такая болезнь рассудка... Так помоги мне с ней, постарайся меня понять. Это всё, о чём я прошу, никаких свечек держать не надо. Мне нужно только твоё понимание... ну и индульгенция, конечно, чтобы я мог вернуться к тебе в семью. Мы же с тобой теперь детей можем завести... помнишь, о чём мы мечтали?

Смотрю на мужа, и внутри меня столько печали, что даже дышать трудно. Утопило меня в ней, я вся пропиталась ею как губка... Больше никаких чувств кроме печали.

– И как ты собираешься заводить со мной детей, если тебе на меня противно смотреть? – спрашиваю мёртвым голосом, другого не осталось.

Муж резко выдыхает и всплескивает руками.

– Ну вот, наглядный пример того, что у женщин слова и действия никак не сочетаются. Вот как так? Ты вечно говоришь, что понимаешь меня как себя саму. А на деле оказывается, что нет. Так кто из нас врёт, а? Получается, что ты. Не понимаешь меня и не хочешь понимать, даже не пытаешься. Хорошо, ладно... Я докажу тебе, что ты очень много для меня значишь. Давай решим вместе, что мне дальше делать. Терпеть? Мучиться? Подавлять это в себе, чтобы потом сорваться? Выбирай, Арина!

А я уже и так выбрала. Себя. И не собираюсь ничего менять.

9

Нет слов, чтобы описать, с каким трудом мне даётся спокойствие.

Оно натянутое, хрупкое, как тонкое стекло, которое может треснуть от любого лишнего слова.

За последний год мне нередко приходилось выглядеть спокойной, когда внутри бушевал страх. Когда хотелось кричать, ломать, плакать, но вместо этого я успокаивала Ваню и улыбалась, потому что ему это было нужно. Потому что от моего спокойствия зависело его.

Я притворялась ради него, и это было… легче. Мне помогала любовь, ради которой можно было собраться, стиснуть зубы и выдержать.

А сейчас я держу лицо и притворяюсь спокойной ради самой себя, и это оказывается гораздо сложнее. Мне как-то… неудобно. Непривычно. Кажется почти эгоистичным что-то делать исключительно ради самой себя при общении с любимым мужчиной. Особенно если тебя с детства учили, что «жить для себя» – это грех.

Однако я стараюсь.

– Не думаю, что ты и правда хочешь выслушать моё мнение о том, что тебе следует делать, – говорю задумчиво. – А даже если выслушаешь… ты не станешь делать ничего из предложенного. Я вижу по твоему настрою, что ты уже выбрал свой единственный подходящий выход. Ты ищешь не решение, а подтверждение тому, что ты прав.

– Ты всё переворачиваешь вверх ногами, как обычно, – в его голосе появляется раздражение. – Я как раз и говорю с тобой, потому что готов слушать. Не хочу обманывать тебя тайком, как поступили бы другие. Так что давай, предлагай! Я всё сделаю.

– Я могу предложить тебе только самые очевидные вещи. Например, хорошенько задуматься не о ближайших пятнадцати минутах и не о том, что ты сейчас чувствуешь, а о будущем и о последствиях того, что ты собираешься сделать. Ты хочешь жить каждый день, как будто это твой последний, и это в чём-то правильно, но только если ты целиком и полностью осознаёшь последствия...

– Так я это и делаю! – резко перебивает он, почти крича. – Я поэтому и завёл этот разговор! Я не хочу тебя терять, но и врать тебе тоже не хочу.

Его слова проникают в меня, но я не позволяю им на меня повлиять. Пропускаю их через себя, как сквозняк через открытую форточку.

– Мы могли бы поговорить о том, что тебе не нравится во мне, – продолжаю, как будто не слышала его крика. – Если я слишком активно о тебе забочусь, то я перестану. Постараюсь не спрашивать о твоём самочувствии. Буду лучше следить за собой. Куплю новую одежду и бельё. Мы могли бы сходить к семейному психологу…

Я вижу, как он морщится и качает головой ещё до того, как я заканчиваю. Всё в нём уже отказывается от предложенного, и я не удивлена.

Я знала. Предчувствовала.

– Подожди, – я поднимаю руку, когда он собирается что-то возразить. – Я не закончила. Дай мне договорить. Я *могла бы*предложить тебе всё это, но не стану этого делать. Потому что не хочу.

Муж замирает, настороженно прислушивается. Не ожидал такого поворота.

А я продолжаю, и теперь каждое слово звучит уже не как предложение, а как чистосердечное признание.

– Если бы ты сейчас сказал: «Давай попробуем, сходим в ресторан, создадим романтическую атмосферу…» – я бы отказалась. Мне сейчас вообще не хочется, чтобы ты ко мне прикасался. Не обижайся, я просто не хочу тебе врать. Ты был со мной откровенен, и для меня тоже важно, чтобы ты знал правду. Я провела целый год, не думая о себе. И сейчас… после

твоих слов... – Откашливаюсь и пережидаю болезненный спазм в горле. – Сейчас я чувствую себя жутко одинокой. Мне страшно, Ваня, потому что я не чувствую себя женщиной. И дело не только в твоих словах, хотя они не добавили мне уверенности. Дело в том, что весь последний год я намеренно подавляла в себе женщину и оставляла только функцию любящей сиделки. Все эмоции, желания и чувства я переводила в заботу о тебе, а это несправедливо по отношению ко мне.

Может показаться, что я сейчас играю и возвращаю мужу его же слова, будто зеркалом. Но это не так. Я говорю правду, самую честную за долгое время.

Именно поэтому это так тяжело.

– Мне сложно об этом говорить, но я хочу быть честной с тобой. Этот год был тяжёлым, но теперь и мне тоже пора снова ощутить себя женщиной. Мне нужно, чтобы кто-то пробудил её во мне, вот только... Я больше не уверена, что ты на это способен...

10

Ваня застывает, смотрит на меня, почти не мигая.

Я вижу, как в нём что-то меняется. Его взгляд становится тяжелее, темнее. Глаза расширяются, но не от удивления, а от внутреннего напряжения, которое резко набирает силу. Его челюсти сжимаются так яростно, что слышен скрип зубов.

И я понимаю, что сейчас будет взрыв.

– То есть… ты сейчас это серьёзно сказала? – медленно произносит он, и в каждом слове гремит ярость.

Кажется, ему не понравилось моё признание. Что ж... тогда это ничья, потому что его признание мне тоже не по душе.

Я не отвечаю, и это становится спусковым крючком.

– Да ты вообще слышала, что сказала?! Ты вообще бессовестная?! – Ваня срывается, кричит. – Ты ведёшь себя, как ребёнок, Арина! – Он снова начинает ходить по кухне, как будто не может удержать ярость внутри. – Я-то думал, ты взрослая, мудрая женщина! А ты что? Ты не хочешь слышать правду, которая тебе не нравится, и начинаешь всё перекручивать! – его голос звенит от раздражения. Он резко останавливается, поворачивается ко мне. – «Я не уверена, что ты способен разбудить во мне женщину»… – передразнивает меня. – Ты пытаешься сделать так, чтобы я ревновал? Да фиг тебе, не собираюсь я ревновать! – кричит. – Ты вообще в своём уме? Думаешь, я буду устраивать сцены ревности? – Он усмехается, резко, зло. – Нет, Арина. Я уже сказал тебе, что мне всё равно. Я не хочу тебя. Хочешь – ищи себе кого угодно. Другого мужчину, третьего, десятого – мне плевать. – Он подходит ближе, смотрит на меня с отвращением, которое ощущается как пощёчина. – Знаешь, что самое противное? Ты врёшь. Никто тебе не нужен кроме меня. Ты всё это сейчас говоришь не потому, что и правда так чувствуешь, а потому что хочешь меня уязвить. – Он качает головой, будто разочарован. – Специально выбираешь такие слова, ядовитые, чтобы зацепить. Надеешься, что я одумаюсь и снова тебя захочу? – Он усмехается с презрением. – У тебя ничего не получится. Меня этим не уязвить. Я чувствую, где правда, а где ты просто играешь. И я не ожидал, что ты до такого опустишься. Я пришёл к тебе и добровольно сказал правду, а ты со мной так в ответ... Тьфу!

Притворяется, что сплёвывает.

Резко развернувшись, выходит в прихожую.

– Я ухожу, – бросает через плечо. – Даю тебе время одуматься, чтобы больше не было таких разговоров.

Я не иду следом за ним.

Остаюсь на месте, хватаюсь за голову и сжимаю изо всех сил, как будто таким образом можно взять контроль над своими мыслями. Потому что внутри меня, совершенно против воли, поднимается привычная, автоматическая тревога.

Куда он идёт? На улице холодно! Взял ли лекарства? Надо напомнить... Дать тёплую куртку...

Я сжимаю зубы, сглатываю эти слова и заставляю себя молчать.

Слышу, как Ваня резко дёргает дверцу шкафа, как надевает обувь, шуршит курткой.

Я вытолкну из себя привычку о нём заботиться, вырежу её.

Хирургически.

Без остатка.

Все эти рефлексы, заботу, тревогу, необходимость ставить его на первое место. Всему этому конец, прямо сейчас, с хлопком двери, озвучивающим уход Вани.

Я выхожу на балкон. Холодный воздух бьёт в лицо, обжигает кожу, но я стою и жду. Зябко обнимаю себя руками, но не возвращаюсь внутрь. Смотрю на двор, затопленный светом фонарей.

Сама не знаю, чего жду. Я не собираюсь возвращать Ваню, не хочу его звать. Уже сейчас знаю, что никогда этого не сделаю.

Однако продолжаю стоять на балконе.

Наверное, мне нужно увидеть, как он от меня уходит, чтобы запомнить это навсегда. Чтобы это стало окончательно реальным и помогло мне выкорчевать любовь, всю до последнего корешка, проросшего в глубину души.

Проходит минута, две, три... десять. Ваня не выходит, но и не возвращается домой.

Из подъезда только один выход.

Где Ваня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.